

*Этот мир — пыль, развеваемая
ветром вечности.*

*Одни о ереси и вере спор ведут,
Других сомнения ученые гнетут.
Но вот приходит страж и громко возглашает:
«Путь истинный, глупцы, лежит
ни там, ни тут».*

Омар Хайям

Часть I

Девять веков назад. Беласагун

Белый густой туман низко стелился над землей. Звезд уже почти не было видно, но бледное весеннее солнце еще не встало и не подсушило слякоть и грязь на дороге. Три месяца назад караван из сотни человек и животных пересек границу империи Южная Сун и теперь медленно двигался на запад, огибая отроги Небесных гор¹.

Животные настолько устали, что люди, сопровождающие караван, шли пешком, то и дело подталкивая тяжелые телеги, накидываясь на них все разом. Вытащив из очередной ямы скрипучие колеса, они расходились, чтобы метров через сто или двести опять вызволять какую-нибудь застрявшую телегу, нагруженную тюками с выделанной кожей, шелком и хлопчатой тканью, изящными вещицами из серебра и золота, фарфором, специями и чаем и многими другими товарами. Караван останавливался в каждом из городов, что расположены на Великом шелковом пути, потому менялись и товары, и сопровождавшие их купцы. Лишь молодой императорский посланник Лин Чжао и его друг и соратник Дамир ехали налегке. Тайное дело поручил им владыка Южной Сун.

Караван сошел с раскисшей дороги и двинулся по берегу все еще замерзшей реки. Через пару часов, взглянув на величественные горы, чьи склоны еще нежились в сладкой дреме, Лин Чжао увидел блеснувшие в первых лучах солнца белые высокие стены большого города. Крыши башен, выступы и заостренные зубцы крепостных стен сверкали на фоне хрустально чистого неба. Пришпорив коня, разбрызгивая талый снег, он устремился к голове каравана. Бывалый караван-вожатый ехал впереди на осле в окружении четырех хорошо вооруженных караульных.

---

¹ Так в Средние века в Китае называли Тянь-Шань.

— Уважаемый Хамид, что это за великолепный город, чьи башни и стены видны между тех гор? — обратился Лин Чжао к караван-вожатому:

— Это Беласагун. Подождите немного. Вот проедем чуть вперед, и узрите его во всей красе.

Встреча в аэропорту

Самолет ощутимо трянуло. В наушниках забубнил гнусавый голос командира экипажа, сообщавший о начале захода на посадку в Алматы. Пассажиры зашевелились, потягиваясь и разминая затекшие тела после долгого полета.

Майя приоткрыла глаза и взглянула на сидящего рядом мужчину. Он ерзал и, перегнувшись через кресло, вытягивал шею, чтобы увидеть город в иллюминаторе. Но самолет летел слишком высоко, внизу была лишь тьма и серая дымка облаков. Некоторые пассажиры еще спали. «Можно было еще немного подремать», — подумала Майя, но сон уже улетел прочь.

Девушка размышляла о том, что ждет ее внизу и встретит ли в аэропорту Тимур, знакомый по переписке в соцсетях. Захочет ли он ей помочь, если то, что она раскопала в библиотечных архивах, надо еще найти в реальной жизни.

* * *

Было четыре утра. Тимур стоял в зале прилета. До приземления московского рейса оставалось минут двадцать. Холодный яркий свет люминесцентных ламп раздражал. Двери в терминал были плотно закрыты. Сквозь матовое стекло просматривалось абсолютно пустое пространство.

Встречающие толпились в зале ожидания. Одни нервно поглядывали на табло, другие озирались в поисках свободного местечка, чтобы присесть. Кто-то притулился у стойки администратора, а кто-то просто слонялся по залу, рассматривая сувениры в бутиках и не обращая внимания на сонных продавцов, давно привыкших к тому, что в этот час никто ничего не покупает. Некоторое оживление наблюдалось разве что у кафе, где можно было взять стаканчик горячего кофе и перекусить.

У стеклянных дверей, прямо под указателем «Выход в город», скучали таксисты. Они лениво перекидывались пустыми фразами, курили, вглядываясь в клубы выдыхаемого дыма. Еще полчаса, и здесь станет шумно. Тогда-то они и заведут свою протяжную песню: «Такси-и-и, такси-и-и!» Кто-то будет бегать и предлагать пассажирам с ветерком доставить их в город, а кто-то решит дожидаться следующего рейса.

«Что еще эта Майя выдумала, — хмурился Тимур. — Позвонила ночью, потребовала встретиться ее в аэропорту, сообщив лишь, что летит в Алматы из Москвы».

Он не понимал, как и когда она очутилась в Москве. Вроде только на днях писала, что сидит на лекциях в своем голландском университете и слушает прескучнейшего старичка-преподавателя, который всю жизнь изучал археологию, сидя в пыльном кабинете, ни разу так и не покинув его стен. Майя же мечтала о приключениях, о громких находках.

Меряя шагами зал ожидания, в который уже раз снимая очки и протирая тонкие стекла, — так он делал всегда, когда волновался, — Тимур вспомнил, как они познакомились. Он любил в свободное время зависать в соцсетях. Ему, молодому ученому, читающему лекции на историческом факультете, казалось, что таким образом он держится в текущей реальности и его не затягивают глубины прошлого. Время от времени Тимур писал в соцсети о своих находках, о раскопках в сакских курганах или об интересных скифских сказаниях. Поделился он с друзьями

по сети и своими исследованиями по Баласагуну, столице Восточно-Караханидского ханства¹.

Как-то Тимур заметил, что к его постам о древнем городе проявляет интерес некая Майя, которая, как оказалось, тоже изучает историю. Знания у нее были хоть и обширными, но слишком поверхностными. Впрочем, это не мешало ребятам дискутировать, азартно отстаивая свою точку зрения.

Заглядывая на века назад, обсуждая политику древних правителей, моду или миграционные потоки людей, каждый старался не рассказывать подробно о своей жизни. Но это никому из них не удалось, и Тимур было известно, что девушка родилась в Китае, но еще в детстве ее усыновила семья из Нидерландов и сейчас девушка живет там, изучая журналистику в Маастрихте. Конечно, можно было попросить Ансара, друга детства и замечательного хакера, «пробить» Майю, узнав о ней все, что можно. Но Тимур не хотел этого. Ведь в мире, где возможно узнать все про всех, так приятно лелеять и охранять свои маленькие тайны.

Наконец из динамиков хрипло донеслось, что самолет, на котором летела Майя, приземлился. Пассажиры, получив багаж, потянулись на выход. Первой вышла группа арабов. Занятно было наблюдать за этой процессией. Впереди шел крупный, с большим круглым пузом, смуглый мужчина в белых шелках. За ним, словно по ниточке, скользя по натертым мраморным плитам аэропорта, семенили женщины в парандже — в последние годы нередкое явление в Алматы. Одна из них тянула за собой небольшой чемоданчик на колесиках. Другая вела за руки детей. Третья, самая младшая, с трудом толкала перед собой гигантскую тележку, заставленную огромными чемоданами и узлами.

Вслед за ними в дверях зала прилета замаячила шумная толпа веселых спортсменов. Одни окидывали оценивающим

---

¹ *Баласагун был одной из трех столиц Караханидского государства (940–1040), а затем (вплоть до 1130 г.) — столицей Восточно-Караханидского ханства (XII в.).*

взглядом Тимура в легкой джинсовке, другие многозначительно улыбались и подмигивали ему. Это был высокий, ладный парень в модных очках из титанового сплава, с серьезным взглядом серо-зеленых глаз и аккуратной прической. Было видно, что занятия в спортзале занимают в его жизни не последнее место.

«Как же ее найти среди этой толпы? Я же никогда ее не видел, а на аватарке в соцсетях вместо фото у нее белая волчица», — задумался Тимур, внимательно оглядывая каждую проходящую мимо девушку. Вдруг в дверях мелькнула тоненькая фигурка в легком белом платье. Девушка была миниатюрной, с белоснежной фарфоровой кожей и огромными, искусно подведенными черными глазами. Она выглядела хрупкой, как подросток.

Увидев Тимура, она на миг застыла, огляделась, а потом, откинув с лица прядь черных как уголь волос, радостно бросилась ему навстречу. Круглые щеки покраснелись, чуть раскосые глаза смеялись.

— Привет, Тим. Не узнаешь? — Она слегка шепелявила, но это лишь добавляло ей очарования.

Смутившись, парень поймал себя на том, что все мысли сразу разбежались. Пришлось срочно собирать их в кучу, чтобы не выглядеть глупо, изъясняясь лишь междометиями. Дело это нелегкое, когда кто-то или что-то неожиданно лишает тебя душевного равновесия.

— Э-э, здравствуйте, — пролепетал он. — Как долетели? Давайте чемодан, я его понесу.

— Спасибо. Все отлично. Пойдем скорее, — потянула девушка его к выходу и зачастила. — Мне столько надо тебе показать и рассказать. Кстати, ты успел забронировать номер в отеле? Можно не в самом дорогом, но обязательно в центре. А город мне покажешь? И потом нам нужно будет встретиться и поговорить с одним моим знакомым. Хочу вас познакомить.

Но по дороге, позабыв про свое обещание рассказать, что подвигло ее бросить учебу и рвануть в бывшую столицу одной из центральноазиатских республик, Майя просто смотрела в окно, любуясь видом проносящихся мимо гор.

Тимур искоса поглядывал на девушку. В голове вихрилось множество вопросов. Ее непосредственность подкупала, а необузданная жажда нового, стремление узнавать как можно больше было тем, что он ценил больше всего в людях.

На ее левом предплечье он заметил небольшое родимое пятно в виде бабочки. Тимур понятия не имел о молеософии, но когда-то интересовался татулогией, а потому знал, что бабочки — это символ возрождения, трансформации.

— Значит, трансформация, — пробормотал он себе под нос. Девушка, увлеченная созерцанием величественных склонов и снежных горных пиков, его не услышала.

Он ехал по кольцевой. Скоростная трасса стремительной лентой прорезала горы, которые расступались, раскрывая красоты Алматы. Воздух был свеж и прозрачен. Смог еще не накрыл плотной пеленой город, и небо было голубым и высоким. Темно-зеленые великаны — сосны и ели — сторожили покой горных хребтов Заилийского Алатау, снежные пики которых бросали вызов своей белизной облакам.

— Смотри, смотри, какая красота! Горы словно переливающийся зеленый бархат, — ткнув тонким пальчиком в стекло, закричала Майя. — Боже мой, как же вам повезло жить в таком великолепном месте. Знаешь, в Нидерландах горы совсем другие, а здесь такое величие!

— Подожди, хочешь сказать, что и в Китае ты тоже не видела гор?

Спустя мгновение Тимур понял, что сморозил глупость: ведь девушка упоминала, что ее еще во младенчестве удочерила пара из Нидерландов.

— Папа предлагал съездить в Китай, но у нас так и не получилось. А потом родителей не стало, — погрустнула Майя. — Но я все-таки там побывала. Там горы совсем другие, они грозные, каменистые, совсем не такие, как здесь.

Закусив губу, Тимур смотрел на дорогу и лихорадочно думал, как спасти положение. Было очень стыдно, что так грубо, пусть и нечаянно, обидел девушку.

— Знаешь, извини, но я не успел забронировать номер в отеле. Но сейчас раннее утро, а ты, наверное, еще и голодна, поэтому предлагаю поступить просто. Сейчас мы едем ко мне. Я приготовлю завтрак, потом ты сможешь немного отдохнуть. Я сбегаю на лекции, а днем мы заедем в какой-нибудь приличный отель, снимем тебе номер и обо всем поговорим.

Майя удивленно посмотрела на него, но ничего не сказала, лишь молча кивнула. В конце концов, ей придется объяснить Тимуру цель своего приезда в Алматы.

Десять веков назад. Знакомство

Высокая крепостная стена шириной более двух чжанов¹, ровная и гладкая, без единого зазора, куда даже самое тонкое лезвие просунуть сложно, была опоясана глубоким рвом с темной мутно-зеленой водой.

— Здесь наверняка кроются сюрпризы, — кивая на ров, тоном знатока протянул Дамир. Он тоже рассматривал стены и стражу, стоящую у распахнутых ворот, сквозь которые медленно тянулся караван.

— Пожалуй, — согласился Лин Чжао, оглядывая стражников, облаченных в серебристые кольчуги с короткими рукавами поверх серых распахнутых кафтанов.

— С какой целью направляетесь в город? — пристально глядя на путников, строго спросил стражник, качнув копьём в их сторону. Мол, говори правду, иначе не поздоровится.

— Мы купцы. Товар распродали, решили посмотреть, не найдется ли чего интересного в вашем городе, — ответил

---

¹ Чжан — китайская мера длины, в современном исчислении 3,2 м (в древности 1,9–3,4 м).

Дамир. Еще дома они уговорились, что он, хорошо владеющий тюркскими наречиями, будет вести все беседы.

Заплатив положенную пошлину, путешественники въехали в город. От ворот лучиками разбегались основные улицы рабадов¹. Главными узлами в их планировке служили базары, многолюдные, оживленные и вымощенные белым камнем площади. По соседству расположились караван-сарай, бани и мечети. Выше и ближе к верхнему дворцу взбирались по круче дома с участками земли, медресе, административные и торговые здания, мавзолеи и минареты. Лучи полуденного солнца позолотили и стены домов, и стрельчатые арки, и медные купола, резные двери и оконные наличники, превратив все вокруг в нечто призрачно-легкое.

— Посмотри, какая красота! Где еще такое увидишь, — воскрился Лин Чжао. Оглядывая улицы города, он и забыл, что здесь им необходимо найти купца Сальмена Многоглазого. Так его прозвали за то, что он попевал всюду, не позволяя никому стащить и ниточку от своего товара. Сальмен продавал лошадей и меха в империи Сун, закупал китайский шелк, серебро и текстиль, которые затем вез на базары городов, растянувшихся вдоль Великого шелкового пути и в Хорезм. Он был знаком с отцом Дамира, который написал письмо купцу с просьбой помочь молодым послам императора.

— Помнишь старую поговорку: «Не вино опьяняет человека — человек пьянеет сам, не красота одурманивает человека — человек теряет голову сам», — усмехнулся Дамир.

Это был статный молодой человек с вьющимися черными кудрями и ярко-карими, широко расставленными глазами, тонким острым носом и сочными губами. Он был из тюрков, но его предки служили еще императору Тай-Цзуну, и теперь его отец, будучи влиятельным человеком, имел титул хоу². Он считался состоятельным ши, истинным аристократом, как

---

¹ *Рабад — окраина, торгово-промышленное предместье в городах Средней Азии VII–VIII вв.*

² *Хоу — наследственный титул знати в Древнем Китае. Приблизительно соответствует европейскому титулу маркиза.*

и отец Лин Чжао. Сколько себя помнил Лин Чжао, Дамир всегда был рядом. В юности, поссорившись с отцом, Лин Чжао отправился в армию, где познакомился с молодым военачальником Юэ Фэем и долго служил под его началом. Они плечом к плечу бились против чжурчжэней¹ и не раз спасали друг другу жизнь. И однажды, после очередной заварушки, побратались. Это и стало переломным моментом в жизни посла. Когда император спросил Юэ Фэя, кого бы он отправил за помощью в далекий Хорезм, дабы противостоять ордам чжурчжэней, военачальник без колебаний указал на своего побратима. А Лин Чжао, отправляясь в далекий путь, решил позвать с собой Дамира, друга детства.

— Дагэ², у меня предложение. Пусть один из нас наслаждается красотой и изучает город, а другой отправится в ближайший караван-сарай, чтобы найти нужного нам человека.

— Я даже знаю, кто готов на столь великую жертву, — рассмеялся Лин Чжао и, ткнув себя в грудь, заявил: — Я буду наслаждаться красотой города.

— Изволь, — улыбнулся Дамир, блеснув ровным рядом белых зубов. — А я зайду выпить и перекусить в ближайший караван-сарай, а заодно погрею уши, может, кто из купцов и проговорится о нашем знакомом.

— Удачи тебе. Возьми моего коня и голубей. Мне они будут мешать, а ты их там пристроишь на постой, — напутствовал друга Лин Чжао, указывая на коня и притороченную к седлу клетку с птицами.

Дождавшись, когда Дамир скроется из глаз, Лин Чжао отправился в город. Купив на базаре каленые орехи, он неспешно прогуливался меж рядов, разглядывая товар и слушая торговцев, громко зазывавших прохожих.

— Подходи, дорогой! Посмотри, какая сбруя! Золото, а не сбруя, — громко расхваливал свой товар мускулистый

---

¹ Чжурчжэни — группа средневековых тунгусоязычных народов, живших на территории Маньчжурии, Приамурья, российского Приморья, севера Кореи.

² Дагэ — обращение к старшему брату (кит.).

самаркандский купец, поигрывая конской уздечкой. Рукава широкого халата не могли скрыть его крепкие бицепсы.

— Нефрит из Хотана, лазурит из Бадахшана. Жемчуга, кораллы! — вторил ему худосочный армянин.

— Давай ко мне, тут шелка на любой вкус и цвет. Обра-дуй свою девушку, — предлагал толстый бородач в ярких шафрановых одеждах.

— Не хочешь шелка, покажу тебе меха, — протягивал пару переливающихся соболиных шкурок седой гость из земли русов в долгополом красном кафтане и круглой меховой шапке.

Вдруг внимание Лин Чжао привлек шум с площади. Люди заспешили туда, пробегая по тесным переулкам. В центре небольшой площади, вымощенной серыми гладкими кам-нями, образовалась яркая и пестрая толпа, которая хаотично толкалась, кричала и улюлюкала. Лин Чжао протиснулся в первые ряды. Пришлось изрядно поработать локтями.

А там иктадар¹ гонялся с мечом за плечистым поджарым парнем, который раз за разом ускользал ужом, и меч встре-чал пустоту. (Прислушиваясь к общему гомону, Лин Чжао выяснил, что ловкий парень — местный кузнец и оружей-ник.) Но и иктадар был непрост. Наконец он загнал парня в угол между лавками. Оскалившись в недоброй усмешке, перекосившей его загорелое лицо, и широко расставив руки, он замахнулся.

— Р-р-р-рах! — выдохнул он.

Еще чуть-чуть — и кузнец лишился бы головы.

— Эй! Стой! — Лин Чжао выскочил из толпы на подмогу. У него не было оружия, поэтому он с разбега всем телом вре-зался в нападавшего, но, получив рукояткой меча по голове, рухнул без чувств на мостовую.

---

¹ *Иктадар — владелец земельного надела (икты), пожалованного хаганом (каганом) своим приближенным, был обязан следить за порядком на своей земле и собирать налоги с населения.*

Девять веков назад. Халида

Очнувшись, Лин Чжао обнаружил, что лежит на постели в прохладной комнате. Вокруг царил полумрак, а в воздухе витал легкий травяной аромат. Голова раскалывалась. Осторожно ощупал аккуратную стягивающую повязку. Лин Чжао хотел было приподняться, но из полумрака вынырнула тонкая рука, которая уверенно придержала его за плечо, и мягкий грудной девичий голос произнес:

— Лежите спокойно. Иначе голова закружится. Вы в безопасности. Я — Халида, а это дом моего отца, купца Сальмена. Вчера вас принесли к нам без сознания. Я буду ухаживать за вами, пока не поправитесь.

Облаченная в простое светлое хлопчатобумажное платье, Халида казалась ангелом, спустившимся с небес. Тонкие косы змеились по спине, голос был плавно журчащим и умиротворяющим.

Шли дни, рана затягивалась, но посланцы императора решили не рисковать здоровьем Лин Чжао и дожидаться попутного каравана. Они поселились у купца. Дом был просторным и всем хватало места. Дамир с Сальменом с утра отправлялись в лавку, а Халида оставалась с Лин Чжао.

— Я все хотела узнать, вот это родимое пятно на предплечье, в виде бабочки — оно у всех в твоей семье? — как-то спросила Халида.

Она протянула ему свежую рубаху и, присев на резной деревянный табурет в углу, искоса наблюдала, как он переодевается.

— У всех. Оно есть у всех членов нашего рода. И скажу тебе по секрету, оно есть даже у нашего императора.

— Ты сын императора?!

— Нет, что ты! Скорее племянник. Я спрашивал отца, но он всегда скрывал это и мне приказал тоже молчать. Ты единственная, кто, кроме моих родителей, знает теперь мою тайну.

Больше месяца ухаживала Халида за Лин Чжао. Лечила, выхаживала и развлекала рассказами о жизни в городе и знакомых купцах. Он и не заметил, как влюбился.

Мы — свечи... сердце сжигает пламя. Иного нет
Горя, исходим всю ночь слезами... Иного нет.
Нам обещали мгновенье счастья, свиданья миг,
Но злую шутку сыграли с нами... Иного нет¹.

Анель

С утра делать было нечего, и Анель решила прогуляться по городу. Весной Алматы прекрасен. Все расцветает, и он будто плывет в розовой дымке навстречу солнцу, встающему из-за снежных вершин. Ее самое любимое место — это небольшое уютное кафе, расположенное прямо у входа в парк.

Совсем скоро дорожка свернет налево, и оно там, за поворотом. Даже здесь в воздухе витал тонкий, манящий аромат кофе. Хотелось устроиться где-нибудь в уголке и, неспешно смакуя горячий напиток, рассматривать прохожих и любоваться видом на Кок-Тюбе.

* * *

Анель шла через парк. Пухленькая, с веснушками на носу, с вечно выбивающимися из прически кудряшками, в больших очках в черной оправе, она напоминала совенка и очень комплексовала из-за своей внешности. Возможно, поэтому

---

¹ Стихотворение персидского поэта Бехара «Газель». Перевод Л. Н. Гумилева. Цит. по: Бехар, М. Т. Стихотворения. — М., Л.: Гослитиздат, 1959.

и стала писать рассказы и истории, выдумывая новые или перекраивая на новый лад старые. Сидя в тишине и мысленно создавая образы героев, необязательно быть красавицей или душой компании.

В школе и в институте Анель всегда держалась особняком, старалась быть незаметной и никогда не ходила на студенческие вечеринки. В детстве летом, если ей бывало одиноко и скучно, она забиралась на растущий во дворе раскидистый тутовник. Ей казалось, что высокое дерево защищает ее. А когда поспевали крупные, черные и очень сладкие ягоды, она, вдоволь наевшись и перемазавшись их соком, удобно устраивалась на самой большой ветке, опираясь спиной о мощный ствол. Так Анель могла сидеть с утра и до вечера, читая любимые сказки или просто мечтая. Самими преданными друзьями Анель были придуманные ею героини. Они никогда ее не подводили, не обижали и не высмеивали, и это ей нравилось.

Утром прошел легкий дождик, и Анель с удовольствием вдыхала запах прибитой пыли и свежей листвы. Ей нравилась эта дорожка. Отгороженная стеной высоких сосен и кустарника, она была незаметна с основной дороги. Здесь можно было не спеша прогуливаться, обдумывать идею очередного рассказа, сочинять и мечтать. Можно было зайти в кафе, взять чашечку кофе с мягкой сладкой булочкой и воплощать мечту в реальность, ощущая тяжесть каждого написанного слова.

«Осталось всего три месяца. Редактор торопит, а у меня нет никакой подходящей истории. Выдуманные героини какие-то картонные, аморфные. А они должны жить, мыслить и быть настоящими», — корила себя Анель.

Задумавшись, она не заметила, как откуда-то выскочил высокий, худой и взъерошенный парень. У него были большие раскосые глаза и немного узкое и скуластое лицо. Столкнувшись с ним, девушка едва не упала, но парень успел подхватить ее, крепко схватив за плечо.

— Простите! Вы не ушиблись? — он заглянул в лицо Анель, но, увидев, что с ней все в порядке, не дожидаясь ответа, резко развернулся и скорым шагом направился к летней террасе кафе.

Все произошло так быстро, что девушка даже не успела ничего ответить. Зайдя, наконец, вслед за ним на летнюю террасу кафе, она увидела, что парень уже сидит за столиком и рассматривает меню.

Ансар

Ансар видел, как девушка, потирая плечо, — видно, он впопыхах слишком сильно сжал его, — прошла к столику в углу террасы, села. Похоже, здесь она была завсегдатаем — смуглый улыбчивый официант, даже не спрашивая заказа, сразу принес ей кофе и булочку с маковой начинкой.

Девушка поблагодарила, отпила глоток и, поправив очки, придававшие ей сходство с совой, стала что-то просматривать на ноутбуке. Рядом лежали ее блокнот и карандаш с обгрызенным концом. Время от времени Анель поднимала голову и окидывала задумчивым взглядом прохожих и посетителей кафе. Заметив взгляд Ансара, она улыбнулась, и на ее пухлых щечках тут же появились милые ямочки.

«Какая необыкновенная и явно очень добрая. Похоже, она даже не обиделась, что я ее чуть не снес. Хорошо хоть, успел поддержать и она не упала. Может, подсесть к ней и познакомиться? Вот только если бы за мной не следили эти непонятные отморозки», — думал Ансар.

* * *

За крайний столик пристроились двое качков. Они шли за ним от самого его дома. Их нельзя было не заметить. Крепко сложенные, с толстыми бычьими шеями и тяжелыми золотыми цепями на них, парни шли не прячась, но на расстоянии. Сей-

час они явно поджидали, когда Ансар рассчитается и выйдет из кафе.

Кто они такие, парень не знал, но догадывался, что, скорее всего, их послали наблюдать за ним, пока он не погасит свой гигантский долг. Накануне со скуки Ансар зашел в казино поиграть в покер. Он великолепно играл. Хорошая память и наблюдательность часто помогали ему срывать банк. Но на этот раз ему не везло, карта не шла. Да и к игре присоединился большой босс. Это нервировало. Поговаривали, что Шакир когда-то состоял в крупной банде, державшей всю Алматинскую область. Но как только власти страны приняли решение сделать из Капчагая игровой центр, переведя туда все казино из Алматы, Шакир стал хозяином нескольких игорных домов и фактически всего Капчагая. Делился он сейчас с кем-то или нет, неизвестно. Сам Шакир помалкивал. Но братки его уважали, да и с полицией он никогда не ссорился, это факт.

Ансар тянул время, прикидывая, как избавиться от назойливого хвоста. Наконец он посмотрел на часы и вздохнул. Пожалуй, пора. Надо действовать на опережение. Тимур уже ждет, наверное. Но не тащить же их с собой на встречу с другом.

Неожиданно раздался громкий выхлоп промчавшегося автомобиля. Парни отвлеклись на звук; вытянув шеи, они провожали взглядом машину.

Ансар, стараясь не делать резких движений и не привлекать к себе внимание, снял с шеи цепочку с золотым амулетом. Это была пластина с непонятными знаками, которая передавалась в семье из поколения в поколение. Он сжал ее в кулаке, а затем вдруг резко вскочил из-за стола. Преследователи не успели отреагировать, когда он, зайцем пропетляв мимо столиков, подскочил к девушке. Быстро наклонился, чмокнул в щеку и, кинув ей на колени пластину, метнулся на улицу и побежал в сторону парка. Парни рванули за ним. Они не заметили, что Ансар избавился от амулета. А он, прежде чем нырнуть в густую тень парка, обернулся, озорно подмигнул девушке и помчался дальше.

Девять веков назад. Снова в путь

Утро еще только разгоралось, а Лин Чжао уже седлал коня. Ему предстоял долгий путь. Он заехал в Беласагун по дороге в Хорезм, и вот настала пора снова отправляться в дорогу. Верхний город еще нежился в дреме, а у лачуг ремесленников уже звонко постукивали молотки. В полумраке навесов мастера сидели, склонившись над работой: наваривали сталь на железо, чеканили кувшины и бляхи для сбруй, ковали стремена, подковы, замки, кольца для кольчуг, наконечники стрел и мечи. Скрежет, звон, лязг и негромкое бормотание на тюркском и согдийском языках сливались в монотонный гул, время от времени прерываемый шипением раскаленного металла. Когда в воду падало выкованное изделие, воздух вокруг окутывался плотным паром, который рваными клочьями расползался по округе. Пахло железом и гарью.

Во дворе караван-сарая было тихо. Караванщики, а с ними и Дамир, уже выехали за городские ворота. Лин Чжао оглянулся на белеющие в утренних сумерках спящие дома. Где-то там осталась его Халида. Он улыбнулся, вспоминая пухлые губки красавицы, ее ласковый взгляд и лунный луч, невесомо и нежно освещавший смуглое личико.

Они договорились, что девушка дождетя его. Ведь молодому послу во что бы то ни стало нужно было выполнить поручение императора. В сумраке ночи, тайно встречаясь у забора, заросшего плющом, они условились, что на обратном пути Лин Чжао испросит благословения у Сальмена Многоглазого и увезет девушку в Китай. Об этом он предупредил своего отца и побратима и уже получил от них ответ, напутствие и уверение в том, что дома его ждут.

Вот только бы Турал, тот самый ловкий кузнец с резким голосом и решительным взглядом раскосых глаз, на беду оказавшийся претендентом на руку Халиды, не вмешался и не уговорил бы Сальмена выдать за него дочь.

«Хорошо хоть, я успел передать ей амулет, который подарил мне сам великий император. Хоть какая-то гарантия, что волоокая Халида будет меня ждать», — думал Лин Чжао.

Он погладил лежащие за пазухой верительные грамоты и, тронув коленями коня, причмокнул, давая понять, что пора снова в путь. В памяти всплыли строфы великого Ли Бо.

Ты в одеянии воздушном
Сравнишься чудною красой
С пионом, что под небом южным
Хрустальной окроплен росой.
И, чтоб еще тебя увидеть,
Я этот мир забыть готов,
Поднявшись по отвесным кручам
В обитель райскую богов¹.

Бормоча под нос эти строки, Лин Чжао пробирался по узким и кривым улицам, мимо деревянных дел мастеров, ювелиров и кожевников. До главных ворот оставалось совсем немного, но следовало поспешить. Караван-вожатый отставших ждать не будет. Исстари караваны выходят затемно, спасаясь от жары. Так уж сложилось.

«Хорошо хоть, сейчас не лето, а то шли бы в ночь. Надо сказать Дамиру, чтобы поспрашивал караванщиков о городе и его обитателях. Особенно тех, кто любит прокрадываться ночью в дом к кузнецу Туралу. Кажется, в караван-сараях они об этом болтали».

Подсвечивая еле различимыми в предутреннем тумане масляными лампадками, привратники со скрежетом отворили тяжелые ворота. Верблюды, навьюченные тяжелыми тюками с товарами, царственно прошествовали мимо них. Закутавшись в длинный шерстяной плащ, Лин Чжао выехал за ворота. Откровенно зевающие стражи ворот зябко поеживались,

---

¹ Это четверостишие — первое в цикле стихотворений, посвященных Ян Гуйфэй (досл.: Драгоценная супруга из рода Ян), любимой наложнице танского императора Сюаньцзуня. VIII век. Перевод Б. Мецгерякова.

но терпеливо ждали, когда город покинут последние караульщики каравана и можно будет закрыть тяжелые ворота и еще немного вздремнуть.

Караван медленно двинулся на запад. Небо постепенно светлело, но было свежо и прохладно. Свыкшиеся с темнотой глаза различали стоящие в стороне деревья, какие-то строения и сторожевую башню.

Лин Чжао оглянулся. На седловине между двух гор плыл темной тенью Беласагун.

Девять веков назад. Император Гао-цзун

Гао-цзун, первый китайский правитель империи Южная Сун, десятый император династии Сун, не находил себе места¹.

Он нервно расхаживал по большому залу внутренних покоев, машинально поглаживая свою небольшую белую бородку.

«Что делать? Что делать?!» — хмурясь, думал он.

Только в собственных покоях он мог расслабиться. Но и там приходилось постоянно помнить, что во дворце повсюду глаза и уши. Гао-цзун давно привык не показывать на людях свои чувства. Неважно, грызли ли его сомнения, боялся ли он или радовался, на его лице никогда не отражалось ни тени эмоций. Даже если в душе металась буря, он, облаченный в красный шелковый лифу для торжественных

---

¹ Император Гао-цзун (имя при рождении — Чжао Гоу) (1107–1187) — первый китайский император империи Южная Сун (1127–1162), десятый император династии Сун. Девятый сын императора Сунской империи Хуэй-цзуна. В 1126 г., после нападения чжурчженей (основателей империи Цзинь на севере Китая), бежал на юг, провозгласил в Ханчжоу создание государства Южная Сун и принял тронное имя Гао-цзун.

и официальных церемоний, невозмутимо восседал на троне, выслушивая жалобы и предложения придворных.

Гао-цзун понимал, что быть императором означает оставаться одиноким в окружении сонма врагов и даже среди друзей. Сделав ставку на молодого Лин Чжао, которому предстояло пробраться через земли каракитаев и просить у хорезмшаха Ала ад-Дин Атсыза помощи, император фактически вверял в руки одного человека свою жизнь и всю империю. Будучи девятым сыном правителя Сунской империи Хуэй-цзуна, Гао-цзун с детства знал, что не стоит полагаться ни на кого, кроме себя. Но выбора у него не было.

Не зря говорили древние мудрецы: «Если сомневаешься в человеке, не веди с ним дела, а если ведешь — не сомневайся». У Лин Чжао оставалось еще время. Вряд ли он так скоро вернется с хорошей вестью. Но, скорее всего, он держал связь со своим побратимом генералом Юэ Фэем. Надо бы его вызвать во дворец.

Ссутулившись, как будто вся тяжесть мира легла на его худые плечи и придавила к земле, и чуть прихрамывая, Гао-цзун подошел к стоявшему в углу зала изящному столику из красного дерева, инкрустированному цветочными мотивами. Машинально подтянул широкие длинные рукава домашнего одеяния — чанфу, взял в руки тонкую черную кисть. Обмакнув кончик кисти в стоявшую на краю столика чернильницу, Гао-цзун вдруг замер. Прежде теплившаяся где-то мысль неожиданно выдвинулась на первый план. Император вспомнил, что, хотя его генерал искусен и проверен в битвах, канцлеру он почему-то не нравился.

«Надо выяснить, что стоит за этой неприязнью». Рука дрогнула, сверкнули в солнечном луче черные брызги, сорвавшиеся с кисти, черная жирная клякса упала на дорогой шелковый свиток и моментально начала расплзаться, поглощая все больше и больше пространства и принимая очертания совы¹. Плохой знак.

---

¹ В китайском восприятии образ совы — сугубо отрицательный, несущий беды.

— Империя развивается, но все еще слишком слаба на внешних границах, — бормотал Гао-цзун себе под нос. — Нас окружают враги. Везде враги. Генерал Юэ Фэй пока справляется, но противостояние с империей Цзинь и попытки вернуть северную территорию еще больше ослабляют нас. Не хватает припасов, солдаты дезертируют. Необходимо тщательно продумать все возможные варианты развития событий и вести такую политику, чтобы в империи был долгий мир и порядок.

«С чего же начать? — думал император, разглядывая пятно туши. — Дел так много, и все они требуют быстрых решений».

В саду вдруг запел соловей, который выводил нежные трели, и, вслушиваясь в них, Гао-цзун постепенно успокаивался. Посветлевшим взглядом он вновь оглядел свои покои. Пробиваясь сквозь оконные узоры «трех рек и шести чаш»¹, зал пересекали косые лучи полуденного солнца. Едва заметные глазу пылинки кружились в воздухе. Казалось, что и изображенные на ажурных решетках и настенных росписях золотые журавли — символ бессмертия и счастья, летящие над облаками и танцующие на водной глади озер, тоже оживали. На миг, полностью отдавшись игре воображения, император вновь нахмурился.

— Да, да! — негромко воскликнул он. — Одна надежда на Лин Чжао. Быть может, ему посчастливится заручиться поддержкой хорезмшаха. Вопрос лишь в том, как ему удастся пройти через земли каракитаев.

За дверью раздались шаги. Гао-цзун обернулся, выпрямляясь и возвращая на лицо маску спокойствия и безмятежности. Дверь из красного дерева, чуть скрипнув, отворилась.

Пускай вельможи,
Во дворцах пируя,
Грядущих бедствий не предвидят —
Пусть!

---

¹ *Скрытый смысл переплета в виде «узора трех рек и шести чаш» — пересечение Неба и Земли, круговорот рождения всех существ и вообще благоденствие.*

Не о моем несчастье
Говорю я:
Я гибели династии
Страшусь¹.

Тимур. Неожиданная история на лекции

Устроив Майю в своей квартире, Тимур поехал в институт. До начала занятий еще было время, и теперь он стоял на ступенях широкой лестницы у входа, ожидая друга.

Сколько еще ждать? Уже двадцать минут прошло. Пунктуальностью Ансар не страдал. Кажется, он хотел показать какую-то золотую пластину с китайскими письменами, которая досталась ему от бабушки. Вот было бы здорово рассмотреть ее поближе и расшифровать надпись на ней. Но время шло, Ансар не появлялся, и приподнятое утреннее настроение как-то незаметно испарилось. Тимур мрачно размышлял о странной особенности друга везде и всюду опаздывать. Вдруг он заметил, что по другую сторону вращающихся дверей института стоят двое мужчин. Они держались рядом, но не разговаривали. Вот один из них, запрокинув голову, стал что-то быстро говорить на китайском языке по смартфону. Другой курил вонючие сигариллы и жадно разглядывал спешащих на лекции студентов.

Весна только-только вступила в свои права, но девушки уже щеголяли в коротеньких юбках, обтягивающих шортиках и полупрозрачных топиках. Тимур уже привык и не обращал на это внимания. Первокурсницам, слушающим его лекции,

---

¹ Цюй Юань. Цит. по: *Лирика китайских классиков в новых переводах А. Гитовича.* — Л.: Лениздат, 1962.

он сразу давал понять, что ему интереснее внутренний мир, а не внешность. Ловя на себе заинтересованные взгляды студенток, он упорно делал вид, что не замечает их. Поглядев на часы, молодой историк вздохнул. Звонить Ансару нет смысла, он и так прекрасно знает, когда у Тимура лекции, и мог перехватить его после занятий или приехать сразу домой.

Еще раз оглядев широкую площадь перед зданием и не заметив знакомой долговязой фигуры, Тимур легко взбежал по лестнице и оказался в прохладном холле. Здесь всегда было прохладно. Выложенные серой с розовыми прожилками мраморной плиткой стены и пол и широкая расходящаяся книзу белая лестница придавали холлу помпезный вид.

До начала лекции оставалось несколько минут, и Тимур, быстро миновав холл и лестницу, открыл дверь просторной аудитории. Небольшая группа студентов вольготно расположилась на верхних ступах амфитеатра. Ребята болтали и смеялись.

— Спускайтесь все вниз и рассаживайтесь на первых рядах. Я не хочу напрягать голос, чтобы вы могли меня услышать, — строго сказал Тимур, входя в зал.

Дождавшись, когда студенты рассядутся, он попросил включить проектор. Зал погрузился во мрак, а на большом экране замелькали черно-белые кадры старого города, которые перемешивались с цветными фотографиями современного мегаполиса, старинных пагод и великолепной природы.

— Сегодня мы поговорим о древних городах Китая. Взгляните на один из них. Это Ханчжоу, столица провинции Чжэцзян, — начал Тимур.

Вдруг дверь приоткрылась и в просвете мелькнули две тени. Кто-то проник в зал и устроился на верхних местах для слушателей, там, где еще совсем недавно галдели ребята.

— Уезд Цяньцзян был образован в эпоху пяти династий и десяти царств, во времена империи Поздняя Лян, в девятьсот двадцать втором году из уездов Цяньган, Яньгуань и Фучунь. Только спустя полвека, после очередного объединения китайских земель в составе династии Сун, опять

была создана область Ханчжоу. Кстати, кто-нибудь знает что-то об этом городе?

Студенты зашептались, но отвечать не торопились.

— Это столица и самый густонаселенный город провинции Чжэцзян. Если не ошибаюсь, по рейтингу британского журнала Nature Ханчжоу занимает девятнадцатое место среди научно-исследовательских центров мира.

— И еще там есть Китайский национальный музей чая, — раздался вдруг голос с верхних рядов зала. Он был хриплым и грубым, а в речи звучал легкий акцент, свойственный иностранцу. Тимура это удивило, но он решил не прерывать лекцию и не выяснять личность неизвестного.

— Очень хорошо. Итак, на протяжении своей истории Ханчжоу был столицей нескольких государств, и сегодня это один из основных центров китайской культуры. Его жители сумели сохранить старинные пагоды, построили самый длинный мост в Тихоокеанском регионе и создали бизнес-инкубатор «Город мечты». Сегодня Ханчжоу не только хранитель китайских традиций, но и столица электронной коммерции.

Лекция продолжалась. Темный зал освещал лишь луч проектора, студенты внимательно слушали любимого преподавателя, время от времени задавая уточняющие вопросы и получая развернутые ответы.

— Об этом городе ученый-математик Андро Бицадзе¹ сложил удивительное стихотворение. Кстати, как и многие талантливые ученые, он отличался блистательным слогом и умением наблюдать за происходящим вокруг. Вы можете ознакомиться с его биографией, прочитав книгу «Обратная сторона науки». А о городе Ханчжоу он писал следующее:

Ханчжоу... у дороги город,
Лежащий среди зеленых гор...

---

¹ *Бицадзе Андрей Васильевич (1916–1994) — советский математик и механик, член-корреспондент АН СССР (1958), член-корреспондент РАН (1991), академик АН Грузинской ССР (1969). Автор книги «Обратная сторона советской науки. Откровения математика» (Asteroid Publishing, 2016).*

Прохладный ветер треплет ворот,
Разносит птиц поющих хор.
Он как симфонию слагает,
Играет, над землей паря,
И в пенье птичье звон влетает
Колоколов монастыря.

— А почему вы не показываете древнекитайские письмена? — снова раздалось с верхних рядов.

— Это отдельная тема. В следующем семестре мы ее обязательно рассмотрим.

Прозвенел звонок.

— Не забудьте, что на следующей неделе мы снова встретимся в этой аудитории, продолжим тему сегодняшней лекции о древних городах Китая.

Выходя из аудитории, Тимур увидел двоих мужчин. Тех самых, что стояли на лестнице у входа.

— Господин Маданов! Вы не могли бы уделить нам время? Совсем немного, — низко кланяясь, сказал тот, что был пониже ростом. От него пахло кислым. Такой запах бывает у дрянного дешевого табака.

«Курильщик», — назвал его про себя Тимур. Все в этом человеке вызывало отвращение: и ранние залысины, и согнутая в поклоне спина, и желтые кривые зубы, и неприятный запах изо рта.

— Извольте, — слегка пожал плечами Тимур. Хотя ему и не нравились эти двое, все же не следовало проявлять неучтивость. К тому же интересно, зачем он им понадобился.

Другой, которого он тут же мысленно окрестил «долговязым», был очень худ. Дряблая и сухая желтоватая кожа, бегающий взгляд маленьких красных глаз, дрожащие пальцы — все говорило о том, что этот человек употребляет наркотики. Причем давно. Его явно знобило, правда, в полутемном коридоре института гулял сквозняк, и все же было очевидно, что долговязому вот-вот потребуется новая доза. Однако он терпеливо стоял рядом с «курильщиком», ожидая ответа Тимура.

— Вы что-то хотели? Давайте пройдем в мой кабинет, он дальше по коридору. Там мы сможем спокойно поговорить.

— Да, так было бы лучше.

Китайцы прошли в кабинет Тимура. Здесь было светло. Солнечные лучи, проходя сквозь легкие жалюзи, становились жемчужно-прозрачными, отчего казалось, что в комнате поселилось волшебство.

— Располагайтесь, — пригласил Тимур незваных гостей. Сам он сел за свой стол и, сложив пальцы домиком, приготовился слушать. Интересно, что им от него нужно.

— Меня зовут Ван Вэй, а моего друга Чжан Вэньмин. Мы хотим поговорить вот об этом, — без лишних предисловий «курильщик» положил на стол перед Тимуром фотографию с изображением золотого амулета. Он был выполнен в виде капли, на которой были изображены знаки, похожие на древнекитайские письмена.

— Неужели в великом Китае некому расшифровать эти знаки и поэтому вы приехали сюда, ко мне? — удивился Тимур. Он вооружился лупой, склонился к фотографии, внимательно рассматривая письмена. — Вот это да! Здесь говорится о столице караханидов, которой я давно интересуюсь. Откуда у вас эта фотография? Понимаете, это доказывает, что мои исследования верны! Кажется, на амулете есть дата — то ли тысяча сто двадцать шестой, то ли тысяча сто двадцать восьмой год. Плохо видно. Но в любом случае это двенадцатый век. Есть ли оригинал? Не помешал бы более тщательный анализ, — взволнованно произнес Тимур.

— Мы ознакомились с вашей статьей в *American Science Journal* о древнем городе Баласагуне. Ваш взгляд на его историю очень интересен, — ощерился, снова показав желтые зубы, «курильщик». — Не то чтобы в Китае не было человека, способного расшифровать эти знаки. Но мы хотим, чтобы исследованием занялись именно вы. Мы знаем, что у вашего друга Ансара есть такая же пластина. Мы ее видели. Обе они являются частями одной карты. И мы готовы спонсировать вашу работу.

— Кто это «мы»? Какой научный институт вы представляете? — непонимающе осведомился Тимур.

Долговязый, молчавший на протяжении всего разговора, неприлично громко заржал. Но поперхнулся, заметив злой взгляд напарника, извинился и вышел из кабинета.

— Прошу извинить моего друга. Он не очень хорошо себя чувствует. Он скоро вернется, — вежливо сказал «курильщик», предупреждая невысказанный вопрос Тимура, и как ни в чем не бывало продолжил:

— Мы не представляем никакой институт. Эта золотая пластина из частной коллекции моего босса. Сам он приехать не смог, но хотел бы, чтобы исследованием занялись именно вы.

— Это, конечно, заманчивое предложение, но у меня ведь лекции... — с сомнением протянул Тимур.

— Господин Маданов, я знаю, что вы хотите сказать. Но вы можете взять отпуск, как это у вас называется... за свой счет. К тому же ваши исследования по городу Баласагуну, как я уже говорил, нас очень заинтересовали. Поверьте, это очень хороший проект. Если все получится, то вы обретете бесценный опыт и получите приличную сумму. Но главное, вы сможете доказать своим закосневшим в неверии коллегам, что город существовал на этой территории и не был разрушен.

В памяти мгновенно всплыли насмешки маститых ученых, снисходительно похлопывавших по плечу молодого коллегу, и их советы заняться более «земными» проектами. Тимур давно испытывал жгучее желание выступить на научном совете с неопровержимыми историческими находками, артефактами и доказать всем, что его предположение о том, что древний город не был разрушен, вовсе не выдумка.

Нужно подумать, хорошенько взвесить все за и против. И, конечно, надо поговорить с Ансаром. Узнать, кому он еще показывал пластину, а заодно выяснить, кто же эти двое.

Китаец сидел молча, давая Тимуру время все осмыслить.

— Мне нужно подумать, — наконец сказал историк. — И раз уж вы так все хорошо обо мне знаете, полагаю, вам не составит труда перезвонить мне, скажем, завтра, часов в семь вечера.

Содержание

Часть I

Десять веков назад. Беласагун	7
Встреча в аэропорту	8
Десять веков назад. Знакомство	13
Десять веков назад. Халида	17
Анель	18
Ансар	20
Десять веков назад. Снова в путь	22
Десять веков назад. Император Гао-цзун	24
Тимур. Неожиданная история на лекции	27
Майя	33
Десять веков назад. Лин Чжао	36
Неутомимый Ансар	40
Десять веков назад. Рассказ купца Бобо	42
Десять веков назад. Во дворце императора	45
Майя. Встреча в кафе	47
Десять веков назад. Дамир и Лин Чжао	51
Встреча с Сериком Анваровичем	53
Десять веков назад. Побег	58
Страхи Анель	61
Ансар. В казино у Шакира	61
Десять веков назад. Турал и философы	63
Амулет Ансара	66
Шакир отпускает Ансара	74
Десять веков назад. Император и его канцлер	75
Встреча друзей	78
Десять веков назад. Погоня	81
Встреча у Тимура	83
Десять веков назад. Император	87
Поход в зоопарк	89
Экспедиция	94
Десять веков назад. Юэ Фэй во дворце императора	95
По пути в Ханчжоу	98

Часть II

Храм Юэ Фэя	105
Тимур. Дневник странника Дамира	108
Девять веков назад. Лин Чжао спасает Дамира	110
Анель. Вещий сон	113
Боевые девчонки	116
Тимур. Спасение	123
Девять веков назад. Приключение странника Дамира	126
Сказочные истории	129
Знакомство с отцом Майи	131

Часть III

Снова в поисках амулета	137
В Москве	139
Тайны московского метро	141
Ночной разговор	146
Музейный экспонат	150
Девять веков назад. Душа словно птица	154
Ограбление музея	155
Опасный артефакт	165
Девять веков назад. Не все души попадают в райские сады	167
Встреча с чабаном	170
Поиски продолжаютя	174
Странные события	179
Таинственная пещера	181
Послесловие	187